

**Путинское большинство:
новый цикл пульсации или переформатирование?**

3 июня 2014, ИСЭПИ

Модератор: Спасибо всем, кто в этот солнечный день решил нас посетить, спасибо ИСЭПИ гостеприимному, который вновь предоставил площадку для нашей встречи. Я надеюсь, она будет интересной для всех. Я бы хотел сделать Короткое вступление. Почти два года назад у нас уже было заседание научного совета ВЦИОМ, посвященное «большинству». Тогда разгорелась дискуссия: «Можно ли его назвать путинским большинством?». Глеб Олегович Павловский тогда предложил его называть не «путинским», а «подавляющим большинством» со всеми оттенками смысла этого определения. В тот раз мы встречались по причине, что болотное движение завершилось, и стартовала другая консервативная волна. Это было подтверждено восстановлением рейтингов правящей партии, победами кандидатов от «Единой России», «Народного фронта» на всевозможных выборах. Но в то же время было понятно, что это большинство несколько отличается от того большинства, который мы видели в течение первых двух сроков президентства Путина. С тех пор прошло еще 1,5 – 2 года. Последние несколько месяцев все опросные центры фиксируют фантазмагорический взлет рейтингов прежде всего, конечно, Владимира Владимировича, за ним и Дмитрия Анатольевича Медведева, и правящей партии. В меньшей степени, но тем не менее, та же «Единая Россия», казалось бы, в условиях такого межвыборного затишья за три - четыре месяца свой рейтинг нарастила на четверть. Причем это не такие вот разовые значения, это те цифры, которые мы получаем из недели в неделю на протяжении вот уже нескольких месяцев. Пока конца-краю вот этому восходящему тренду не видно. Так что прогнозы, что сейчас народ очнется, придет в себя, «русская весна» закончится, вместе с тем все упадет туда же, на те же уровни, что и раньше не оправдываются. Но с другой стороны, прошло еще не так много времени, и, пока эти рейтинги находятся на высшей точке, мы решили, что будет интересно, актуально, важно поговорить о том, что сегодня представляет собой «пропрезидентское большинство», ну или «новое путинское большинство», чем оно отличается от старого, каков его социальный портрет, кто пришел в это большинство. И,

наверное, главный вопрос относительно нового издания «путинского большинства» - насколько это большинство устойчиво. Являет ли оно собой какой-то такой сиюминутный слепок, который завтра или послезавтра при условии каких-то толчков, импульсов, возникновении новых ситуаций, вызовов может развалиться, или же это все-таки более или менее устойчивая конструкция. И если это так, то на чем оно зиждется, что является гарантией его устойчивости. Это первая тема, которую мы хотели бы сегодня обсудить. Мы попросили выступить аналитиков двух опросных центров – это Михаил Мамонов из ВЦИОМа и Григорий Кертман из Фонда общественного мнения, кто, в общем, непосредственно стоит у источника данных об этом большинстве – о новом, старом, переходном. Вторая тема – это, собственно говоря, как и почему появилось это «большинство». На эту тему многое, наверное, можно сказать, полярные точки зрения известны, кто-то говорит, что всему виной «зомбо-ящик», кто-то рассказывает, что реанимация имперского комплекса, долгое время в латентной форме находившегося, а сегодня развернувшегося во всю ширь и вставшего во весь рост под воздействием того, что Крым снова наш. Есть и другие точки зрения, надеюсь, мы сегодня эту тему тоже обсудим. Здесь у нас предполагается тоже несколько интересных выступлений - Игорь Яковенко, Михаил Делягин, Евгений Минченко, Дмитрий Орлов, Дмитрий Поликанов, Глеб Павловский. Это предварительный список, конечно. Ну и, наконец, коридор возможностей для власти, какая политика власти может сохранить такое большинство, а какая, наоборот, может стать причиной его распада. Какие пути, какие направления развития ситуации стали возможными благодаря, в результате, по причине формирования этой новой конструкции, и какие новые риски возникли. То есть это третий вопрос – о будущем. Самый туманный, но и, наверное, самый интересный. Вот здесь у нас предполагается свободная дискуссия, так что все, кто заранее не записался, смогут высказать свои мудрые мысли. Давайте начнем. И слово Михаилу Мамонову, руководителю исследовательских проектов ВЦИОМа.

Михаил Мамонов: Уважаемые коллеги, добрый день. Передо мной не стоит задача какого-то комплексного представления наших данных означенных событий. Как сказал Валерий Валерьевич, два года назад мы уже обсуждали этот процесс, и тогда мы готовили небольшое выступление, посвященное как раз «путинскому большинству», на основе, в том числе, и нашего исследования под

названием «Электоральная панель». Мы тогда попытались понять, насколько по цифрам мы можем действительно говорить о «большинстве» и можно ли выделить какое-то ядро. И мы действительно его выделили, и декларируем, что оно достаточно малочисленно, примерно около 20%, это при мягком отношении, а при жестком оно еще меньше, порядка 15%, всю же остальную группу составляют либо ярые антипутинцы, порядка 20%, либо 60%, мы их называли «путинская периферия». Итого вместе с ядром максимальный объем поддержки был возможен 80%. Тогда это казалось какими-то невероятными цифрами, а сейчас мы видим, что, в общем-то, ничего невероятного нет. Самый интересный вопрос, который тогда перед нами стоял и который мы в том числе обсуждали – «а в общем-то, куда вот эта вот группа «путинской периферии» будет дрейфовать?». Прошедшие два года показали, что с одной стороны, эта группа была стабильна, она находилась в том состоянии, в каком находилась на май 2012 года, но в то же время фиксировался очень мягкий процесс делегитимации власти, количественные показатели плавно падали, но это было такое умеренное падение, даже колебание. Конечно, события последних трех месяцев кардинально изменили события на этом графике, они как раз подтверждают – значения не только максимальны, они максимальны за весь наш период наблюдения – порядка 68% сегодня составляют эту группу поддержки Владимира Путина. Нам крайне сложно говорить о том, за счет кого эта группа прибавилась, пока рано, с точки зрения социологии, оценивать те процессы, которые происходят, по той причине, что мы с трудом можем оценить степень их устойчивости. Но мы можем предположить, что если раньше мы декларировали наличие ряда специфических черт у «путинского ядра», а это меньшая ресурсность, большая консервативность и большой оптимизм, они сейчас составили ту группу переметнувшихся, хотя я еще раз подчеркиваю, что говорить рано, что времени прошло мало, чтобы делать комплексный анализ. В то же время есть ряд вопросов, которые действительно требуют обсуждения, которые очень интересны. С одной стороны – к чему и к каким последствиям это придет, но есть и еще два вопроса, не менее важных и не менее значимых. Во-первых, это насколько те тенденции, которые сегодня проявились устойчиво, насколько мы можем говорить о том, что это событие, вот этот стремительный всплеск уже оказывает и будет оказывать существенное влияние хотя бы в среднесрочной перспективе. Не является ли это всего лишь ситуативным соотношением факторов, влияние которых через полгода будет существенно ниже. Ну и

следующий вопрос – это насколько те события, которые сегодня происходят в России, соответствуют каким-то мировым аналогам, в случае, если мы берем вот такие конфликтные ситуации, как были в Крыму, Украине, как избиратель американский или английский вел себя там и насколько мы соотносимся с теми событиями, которые есть. А пока те данные, которые у нас есть, позволяют говорить о некоей пульсации, а не о формировании нового большинства, причем эта пульсация навязана ситуативно и эмоционально. Сейчас представлю данные относительно рациональных характеристик. Последний опрос мы проводили в апреле 2014 года, все эти данные представлены, они опубликованы, и как мы видим, что в общем на уровне рациональных оценок никакого существенной, значимой динамики не произошло. Более того, были периоды более высокой положительной оценки рационально действующего президента. Например, 2008 год. Сейчас мы можем говорить о неких отклонениях. Но они не столь масштабны, чтобы делать какие-то комплексные системные выводы. Действительно, мы можем говорить об улучшении некоего национального отношения. Это действительно фиксируется, по первым трем позициям это отчетливо видно, но опять же мы можем говорить, что это не самый высокий показатель за весь период наблюдения. В 2008 году они были и выше, хотя показатели рейтинга тогда были ниже. Я говорю, что часть эмоциональных оценок выросла. Но это эмоциональные оценки, которые достаточно динамичны, которые могут измениться и дальше. В этой связи, продолжая вот эту логику, конечно, хочется понять влияние вот этих событий на то, что происходит сейчас, и какое влияние в целом окажут эти события на российское общество, хотя бы в среднесрочной перспективе. Валерий Валерьевич сказал, что действительно сегодняшняя ситуация – это ситуация-локомотив, то есть Владимир Владимирович вытягивает за собой всю ситуацию, растет легитимность большинства властных институтов, более того, улучшаются показатели социального оптимизма, хотя и оснований экономических для этого нет. Оснований для этого, действительно нет, и опять же это ставит вопрос: «А насколько те оценки, которые есть, устойчивы, насколько они рациональны, насколько мы можем говорить, что они будут оказывать существенное влияние в среднесрочной хотя бы перспективе. Но тем не менее, мы сегодня фиксируем рост одобрения курса у главы государства, и курса российской власти, мы сегодня фиксируем рост показателей социального оптимизма, и, что не менее важно, мы фиксируем некие вещи, некие явления, которые уже дискутируются в

формате мифотворчества. Это, в частности, идея по поводу усиления запроса на великую державу, на сильное государство. С одной стороны, действительно, это есть. Вот здесь сравнительные данные 2008 и 2014 годов. Действительно, есть увеличение группы людей, которые считают, что Россия должна быть великой державой. Сейчас вот по данным 82%, было 58, но есть и другие цифры.

Модератор: Я прошу прощения, тем, кто далеко сидит, не все видно. Можно назад? Тут не вопрос желаний, тут вопрос оценки. Этот вопрос звучит так: «Какое влияние имеет сейчас Россия в международных делах?». И вариант ответа: «Россия сейчас имеет большое влияние в международных делах». Вот здесь мы видим существенный рост группы тех, кто считает, что она действительно имеет, наша страна, влияние большое. В 2008 году, напомним, тоже были драматические события. Тогда эта группа составляла 58%, сейчас 82%.

Михаил Мамонов: Большое влияние как раз и определяется одной из базовых черт такой великой державы в оценке роли России. Но данная тенденция – запрос на особую роль России в международных отношениях – это не новость, это сегодняшнее явление, это мы фиксируем последние 3 года – постепенное увеличение той группы, которая действительно считает, что Россия должна оказывать такое влияние, и вопрос о том, причины и следствия – что на что, собственно, влияет – он открыт. Теперь о том, насколько та сегодняшняя российская ситуация соответствует неким аналогам и насколько мы можем говорить о том, что мы уникальны а весь мир действует по другим законам. На самом деле нет. Вот сейчас будет ряд слайдов, которые представляют данные по подобным ситуациям, но в других странах. Первая тенденция: действительно, рост существенный, происходит в пик развития конфликта рост показателей, он даже больше, чем у нас, порядка 90 %, 89-90%, так что у нас есть еще, куда расти. Итак, ситуация: представлены данные по ситуации Джордж Буш, война в Персидском заливе, 1991 год. Его рейтинг, показатели оценки выросли до 90%. Такая же ситуация – это по Джорджу Бушу – младшему, Афганистан, 2001 год, Джордж Буш – младший, Ирак, 2003 год – опять же рост примерно до 90%. Близкая ситуация, такой же тренд был зафиксирован во время Фолклендского кризиса, Маргарет Тэтчер, Фолклендский кризис, 1982 год.

Вопрос: А что с Альбертом на предыдущем слайде?

Михаил Мамонов: Он менее показателен, хотя на предыдущем слайде он представлен. Но что в качестве тенденции отмечается, что возвращение

показателей к исходным наблюдалось в течение двух месяцев с момента событий. Вот в этом, конечно, мы уникальны как ситуация, потому что у нас два месяца прошло, а показатели растут и растут. Наверное, есть предел, но тем не менее. То есть наша ситуация, которая сложилась сегодня, она все-таки обладает набором уникальных черт. Какое объяснение этому возможно? Прежде всего объяснение связано с точки зрения публичной повестки дня и того публичного дискурса, который присутствует. Здесь представлены данные по тем проблемам, которые казались важными и значимыми для людей в течение марта, апреля и мая 2014 года. На первом месте неизменно каждую неделю оказывается Украина и украинские события в разной интерпретации – порядка 50% выделяют эти события (других новостей нет) в качестве значимых. Таким образом, завершая свое выступление, хотелось бы сказать: с одной стороны, мы являемся свидетелями некоего интересного поворота истории, интересных событий, но в то же время не стоит переоценивать. Пока еще очень сложно говорить о какой-то устойчивой тенденции, мы можем говорить о сиюминутном, пусть и протяженном в нескольких месяцах, влиянии. Очень важно понять, насколько эти события будут устойчивы. Но может быть, пока все-таки целесообразно говорить о пульсации, чем о формировании и реформировании формирования нового путинского большинства. Спасибо.

Модератор: Ну, в общем, кто пришел, кроме Евгения Минченко, мы из выступления Михаила Мамонова не узнали. Я имею в виду, портреты этих самых присоединившихся. Григорий Кертман из Фонда общественного мнения, вам слово.

Григорий Кертман: Сразу предупреждаю: от меня вы тем более не узнаете, кто пришел, это совершенно точно. Несколько цифр. У нас в последнее время не было столь развернутых исследований, касающихся того, чего люди ожидают от Путина, как они его оценивают по множеству частных, дробных параметров и т.д., но самые различные рейтинги мы мерим еженедельно. Я понимаю, что последние рейтинги все присутствующие здесь более-менее знают, а динамика хорошо забывается. Так вот, что, собственно, произошло за последнее время? Сегодня работа Путина на посту президента оценивается положительно 80% респондентов, 10% – отрицательно. Год назад было 54% и 29%. Доверие Путину выражают сейчас 82% против 13%, год назад было 58% к 33%. Электоральный рейтинг вырос с 45% до 68%. Все это происходило не постепенно. Обращаю внимание (это самое главное): сдвиг произошел за очень короткий срок. Еще по

данным опроса от 23 февраля (напоминаю, это последний день Олимпиады, день закрытия Олимпиады) все эти рейтинги стояли ровно на том же уровне, на котором они стояли за год до того. Я могу приводить цифры, но, наверное, это не обязательно. То есть движение рейтингов, судя по данным, не было спровоцировано ни Олимпиадой, ни уже ситуацией украинского кризиса (до начала процесса присоединения Крыма). Еще 23 февраля «путинское большинство» выглядело ровно так же, в количественном выражении, как оно выглядело в начале или середине 2013 года. Причем все это время колебания всех этих показателей были в пределах статистической погрешности. Еще один показатель – в этом смысле даже, может быть, наиболее красноречивый. Мы в течение нескольких лет задаем странный вопрос, который мне ужасно не нравился все это время: «За последний месяц Вы стали больше или меньше доверять Путину?». Понятно, что никакой респондент реально не сравнивает свое сегодняшнее отношение к Путину с тем, которое было у него месяц назад. Так что тут очень большая степень приблизительности, условности и т.д. Но все-таки до какой-то степени этот странный индикатор замеряет преобладание консолидирующего или, если можно так сказать, деконсолидирующего тренда в «путинском большинстве» и степень, масштабы этого преобладания. Так вот, год назад обычно 16%-18% опрошенных говорили (это еженедельные опросы), что они стали больше доверять Путину в течение последнего месяца, а 28-30% - что меньше. То есть приблизительно там было почти в 2 раза больше говорящих, что доверие уменьшается. Причем немало было говорящих об этом среди тех, кто, по их словам, на момент опроса доверяет Путину, и естественно, еще больше среди не доверяющих. Сейчас соотношение такое: 45% говорят, что за последний месяц их доверие к Путину выросло, 11% - что оно сократилось. И опять-таки этот перелом произошел в течение одного месяца. Вот 23 февраля показатели были такими же, как за год или полтора до этого, 30 марта они были такими же, как сегодня. Произошел скачок. За пять недель очень бурный рост всех этих показателей, потом все остановилось. По нашим данным, реально после этого колебания абсолютно в пределах статистической погрешности. То есть ситуация, которая называется односложно «Крым наш», - только она, и ничто иное, предопределила этот скачок. Ясно, что нынешнее большинство оценивать в социально-демографических характеристиках каких-то очень трудно: подавляющее большинство не имеет ярко выраженных социально-демографических качеств, это ясно. Но тем не менее некоторые старые, давно

зафиксированные зависимости сохранились. Как был гендерный разрыв – женщины больше поддерживают Путина, – так он и сейчас сохраняется, хотя и стал меньше, опять-таки по понятным статистическим причинам.

Вопрос: Разрыв существенно стал меньше?

Григорий Кертман: Ну смотрите. Наверное, лучше всего судить по рейтингу, там заметнее всего. Рейтинг Путина среди мужчин – 63%, среди женщин – 73%. Ну а год назад было 37% и 51%. Ну то есть понятно. На других показателях – «оценка работы», «уровень доверия» - там цифры больше и, соответственно, разрыв становится меньше. Существовали определенные возрастные различия в группе поддержки, среди поддерживающих Путина. В достаточно давние времена Путин больше поддерживался молодежью, но это было давно. Сейчас, в последнее время, самое старшее поколение, за 60, еще больше поддерживает Путина (еще больше, чем все остальные), все другие возрастные когорты в этом отношении совершенно одинаковы. По образованию различий как не было уже много лет, так и нет. Образование здесь вообще не работает. Тип места жительства – села, города и т.д.: здесь была зависимость еще год назад, да, собственно, до вот этого перехода. Была зависимость, которая заключалась в том, что Путина сильнее поддерживали в селах, в очень малых городах и поселках городского типа, с одной стороны, и в Москве – с другой стороны. А все, что между – средние города, крупные города, мегаполисы – чуть меньше. Сейчас все это почти стерлось. По последним данным, Москва поддерживает чуть меньше, чего раньше не было. И, наконец, еще один параметр, который вроде бы грешно не учитывать – доходы. Разное было на разных этапах, но сейчас сохраняется только одна зависимость – те, кто говорят, что им не хватает денег на питание (это 10%) – они поддерживают меньше, примерно на 10 процентных пунктов. А все остальные группы, выделенные и по субъективной оценке, и по объективной (то есть по уровню доходов, определяемому в рублях), поддерживают одинаково. Вот такая картина. Переход произошел за месяц, рывком. Мне кажется, что в этой ситуации сама постановка вопроса, выдержанная в такой коалиционной логике – вот было некое «путинское большинство», к нему примкнула некая новая группа, новая категория людей, и надо ее разглядеть, понять, «кто пришел» – не совсем работает. Какие именно факторы консолидируют это большинство, и насколько прочно консолидируют – это, понятно, тема всего последующего обсуждения. Но хочу подчеркнуть, что все факторы, которые его формируют сейчас, – они же воздействуют и на прежнюю группу поддержки. Грубо говоря, на те 37%, которые

готовы были голосовать за Путина год назад, эти новые факторы действуют ровно так же, как на тех нынешних его сторонников, которые его раньше не поддерживали. Поэтому в качественном отношении здесь действительно другой феномен – сегодняшнее «путинское большинство». И если на обсуждении двухлетней давности, которое здесь уже упоминалось, я, помнится, говорил, что основная характеристика этого «путинского большинства» заключается в том, что в нем, в отличие от группы сторонников любого иного политика или партии, ядро не является самым политизированным, консолидированным какими-то ценностными установками и т.д., что здесь ядро абсолютно аполитично, в ядре – вакуум смыслов, а на периферии – разные, конкурирующие смыслы, ориентации и т.д. – вот так оно было устроено, «путинское большинство», еще пару лет назад, то сейчас, конечно же, не так. Сейчас есть определенное ценностное, настроенческое единство, другая энергетика всей этой массы. Мне кажется, что говорить о пульсации еще пока немножко преждевременно. Все-таки, понимаете, когда ситуация за месяц радикально изменилась, потом застыла и продолжает оставаться застывшей – она заставляет отнестись к этому как к совершившемуся факту. Ситуация изменилась в каком-то смысле необратимо. Что будет дальше – неизвестно, но ситуация не вернется к тому, что было пару месяцев раньше. Вот, грубо говоря, если ставить вопрос так, как он поставлен при «затравке» дискуссии – пульсация или реформатирование, – то мой ответ: реформатирование. И маленький комментарий по поводу прозвучавших аналогий с другими странами. Согласен, что они работают, и динамика, и цифры даже похожи, и т.д., но учтем, что все произошедшее в марте, объяснение украинского кризиса в медийном поле, в публичном пространстве и т.д. – шло исключительно в категориях, связанных с воспоминаниями об Отечественной войне, в категориях, наиболее значимых, наиболее понятных, наиболее знакомых нашим согражданам, наиболее резонансных, апеллирующих к сердцевине национальной идентичности. Вот это вот отождествление противника с фашистами, описание их исключительно как бендеровцев (через «е») и т.д. – вся эта история переводит произошедшее из плоскости сугубо внешнеполитической в плоскость достаточно глубинную, повторюсь – в плоскость национальной идентичности. В отличие от упомянутых ситуаций с другими странами – хоть и во многом схожих. Короче говоря, речь идет не о пульсации, речь идет о реформатировании, и, возможно, очень серьезном. Насколько долгосрочна эта история? В ближайшие месяцы, позволю себе сказать, ничего не изменится, а дальше видно будет.

Модератор: Спасибо. Теперь мы несколько мыслей о том, какое оно, «большинство», и даже некий прогноз, что оно не рассыплется завтра, а будет некой такой реальностью в течение определенного времени, то хотелось бы все-таки понять: а как же оно образовалось? Из выступления коллеги Кертмана мы уловили, что обстоятельства времени – это вот месяц, «Крымский месяц», так скажем (конец февраля – конец марта). Почему Крым так сильно изменил ситуацию с этим самым «путинским большинством»? Что это такое? Я перечислю несколько версий, которые имеют хождение, в прессе в том числе, но и аналитики часто их упоминают. Одна из версий, как я уже говорил, что это продукт «телеящиков» в чистом виде, Киселева, «киселевщины» и все неприятные определения, то есть результат очередной грамотной медиаманипуляции. Другая версия говорит, что это маленькая победоносная война всегда и везде повышает рейтинги власти, особенно если она маленькая, победоносная и трупов мало или почти нет. Ну, кстати, война может быть и информационной, как мы все знаем. Третья точка зрения - тоже довольно часто циркулирующая - что это все-таки действительно имперский комплекс, которому наконец вот дали подкормиться чем-то. Раньше он был в фазе фрустрации, сейчас он в фазе агрессии. Еще одна версия, что все-таки это никакой не комплекс имперский, а это реакция русских людей на первые за четверть века реальные действия властей по воссоединению разделенного русского народа, разделенного границами постсоветскими. Вот несколько теорий, несколько подходов, я надеюсь, что мы услышим и другие, ну либо кто-то, может быть, даст интересные аргументы в пользу одной из этих точек зрения. Итак, что же все-таки произошло, почему «Крым наш» дал такое мощное переформатирование политической сцены. Давайте обсудим это, и первым на эту тему я прошу выступить Михаила Делягина, директора Института проблем глобализации, а за ним Евгения Минченко. Да, коллеги, и ко мне поступают записочки разные с просьбой включить, я вот всех включаю, но ожидаю, что и дальше желающие будут мне писать, чтобы я имел возможность всех записывать.

Михаил Делягин: Уважаемые коллеги, я ни минуты не социолог, и я не знал, что нужно будет отвечать по отдельным вопросам, а не обсуждать всю предложенную повестку дня в целом.

То, что я вижу на примере своих знакомых, причем очень разных, заключается в том, что новое большинство сформировал Крым. Это, действительно, большинство не путинское: это «крымское большинство».

Его появление прежде всего вызвано тем, что люди увидели: государство сделало то, что надо, что соответствует его обязанностям. Впервые на протяжении их сознательной жизни государство сделало что-то полезное, что-то соответствующее их представлениям о том, что правильно, а что нет. Причем сделало не в оборонительном ключе, как это было сделано в течение трех первых дней войны в Грузии, а в ключе наступательном, т.е. по своей инициативе, а не будучи к тому принуждено внешним воздействием. Так это или нет – вопрос в свете последних действий этого государства дискуссионный, но, по крайней мере, это выглядело так.

Вторая причина формирования нового большинства – это надежда на то, что внезапно проявившаяся, непонятным образом возникшая по отношению к Крыму вменяемость государства распространится потом и внутрь страны. Я понимаю, что это очень смешно, но надежда тем не менее была сильная. Так, на вопрос о том, что ему до Крыма, мой знакомый бизнесмен из Восточной Сибири, ответил так: «Эти люди поступили честно и достойно по отношению к Крыму. Может быть, они со временем начнут поступать так и по отношению ко мне». При этом человек это не романтичный, без иллюзий, вполне себе трезвый и спокойный.

Вопрос: А что он имел в виду?

Михаил Делягин: Он имел в виду, что его перестанут грабить, или будут грабить меньше, или будут грабить более осмысленно. Что налоговый террор сменится налоговым администрированием, потому что сейчас, насколько я могу судить, в его области является нормальным арест счетов предприятия без каких бы то ни было предупреждений со стороны налоговой инспекции, с разъяснением примерно в следующем ключе: «а мне плевать, что вы четвертый налогоплательщик нашей области, мне безразлично, что вы закроетесь, – чтобы выполнить план, мне нужно откуда-то взять такую-то сумму денег, и мне безразлично, что будет с вами и как мои действия согласуются с законом».

Наконец, третья составляющая возникновения нового большинства, – это эффективность государства: его действия выглядели даже красивыми, и это чувство, несмотря на его эстетический характер, очень сильно.

Благодаря ситуации с Крымом государство получило кредит доверия, вполне сопоставимый с тем, который осенью 1991 года был у Егора Тимуровича Гайдара или у Бориса Николаевича Ельцина.

Надо отметить, что большую роль в формировании нового большинства сыграло еще и имиджево-политическое самоубийство либералов. Оно было оглушительным, потому что разделение прошло не по политической, а по культурной границе, по линии самоидентификации, и огромное количество политически активных людей, не уловив это и действуя в прошлой, сугубо политической логике, просто вычеркнули себя из России.

Многие из них выступили против Крыма не в силу своих убеждений, - у большинства из них таковых нет за ненадобностью, - а в силу циничного и оказавшегося ошибочным анализа: им показалось, что так будет выгодно.

Они просто не поняли, что вопрос о Крыме – это вопрос не о том, хорош Путин или нет, а о том, поддерживаете Вы Россию или же Вы ее ненавидите и желаете ей смерти.

Ну что поделывать: люди, которые полагают, что в бутерброде главным является не то, с чем он, а то, с какой стороны на него намазано масло, рано или поздно начинают кушать его с фекалиями.

Теперь о механизме формирования нового большинства.

Сугубо технически телевизор, конечно, сыграл роль, - но, скажем, большое количество людей, которые вот на моих глазах восторгались Путиным, телевизор не смотрят уже много лет и про существование того же Дмитрия Киселева просто не подозревают.

Огромную роль в оценке событий на Украине и в Крыму сыграли личные связи, - ведь все-таки большое количество беженцев из Украины оказалось в России. При этом огромно количество россиян, которым из охваченной нацистским террором Украины пришлось выручать своих родителей, родственников, знакомых и т.д.

Значима была и грамотная полицейская работа по дроблению оппозиции, проведенная после 6 мая 2012 года.

Ну и, конечно, колоссальную роль сыграла нацистско-украинская пропаганда в социальных сетях. Когда Вы читаете про себя лично совершенно определенные вещи, причем не потому, что Вы там когда-то какую-то позицию занимали, а просто потому, что Вы по-русски пишете, или у Вас IP московский, или что-то еще, Вам самим не ведомое, - Вы начинаете понимать людей, которые

в 1941 году люто ненавидели Сталина, но воевали с немцами, потому что под Сталиным жить было можно, а немцы хотели уничтожить всех, и под ними жить было нельзя. Спасибо большое.

Модератор: Спасибо. Ну, в общем, триада правильна, или так: правильное действие, которое было осуществлено очень эффективно, красиво, и при этом наступательно, а не оборонительно. Коллеги, сейчас Евгений Минченко, он, мне кажется, не нуждается в представлении, возглавляя холдинг имени себя, «Минченко-консалтинг», а следующий – Дмитрий Поликанов из Фонда стратегических коммуникаций.

Евгений Минченко: Спасибо большое, я действительно готов подписаться под большей частью тезисов Михаила Делягина, и действительно, я лично знаю большинство украинских политиков, и экспертов, и консультантов, когда мой давний хороший товарищ, с которым мы вместе в свое время в 1997 году начинали создавать имидж Юлии Владимировны Тимошенко, пишет в социальной сети типа: «Вы имейте в виду, когда поедете, если, не дай Бог, на юго-восток, что самка Колорадо может воткнуть вам в бок ржавый нож» - вот это испытать свой первый в жизни оргазм, или когда вполне вменяемые интеллигентные киевские журналисты – одна выдала вот, Соня Кошкина из «Левого берега», пишет: «Какие молодцы, что пожгли проклятущих колорад в Одессе», а после этого, прямо в следующем посте, она пишет: «Какие подонки, какие негодяи люди, которые захватили офис Таруты в Донецке, они, представляете, что удумали? Они вытащили на улицу кресла и на них там катались по улице, вы представляете, какие подонки?» То есть те, кто жгли людей заживо – они молодцы, а те, кто на креслах катались по улице – они негодяи, подонки, это самая страшная деградация. То есть это действительно работало, но теперь по чисто технологическим вещам пройдуся. Первое. Я считаю, что массовые настроения резко не меняются без позиции элит, и могу сказать, что в росте этого «путинского большинства» сыграла серьезную роль консолидация элитных групп. Те люди, которые надеялись, что теперь-то уж найдутся те самые фон Палены, которые приложат нашего гаранта табакеркой за ухо – это неважно, опять же, я цитирую: «Дадут табакеркой, придушат шарфом, заколют вилкой». Ну, в общем, грубо говоря, так или иначе, вот сейчас вот эти вот напуганные тем, что они не смогут поехать отдохнуть в Испанию или в Майами, они тут же, так сказать, уконтрапупят. Ничего подобного на самом деле, пока, по крайней мере, не происходит, и значительная часть крупного бизнеса, который должен был бы прийти в ужас, они

вдруг неожиданно начали Путина в той ситуации поддерживать, и когда я некоторых реальных миллиардеров спрашивал: «А что, реально там санкции?», они говорят: «Слушай, ну понимаешь, нас же итак до этого не любили, то есть вот там мы хотим, например, заводик купить – нам не продают, мы там куда-то еще приходим, в том же самом Евросоюзе – нам начинают пихать палки в колеса, то есть все равно, если бы мы теряли действительно позицию или равноправного партнера в этом западном мире, а нас все время держали в этом предбаннике, а теперь решили вообще на улицу выгнать, чтобы там выли и просились обратно. Ну вот не хотим. Хотим в дом, если не в этот, то в другой». И в этом смысле могу сказать, что по выборке из моих знакомых, которые в массе своей были настроены не то, что антипутински, а критично по отношению к власти, я бы так сказал, как раз произошла прибавка со стороны людей информированных, которые телевизор не смотрят, которые интересуются внешней политикой, и логика примерно такая: «Слушайте, ну уже достало вранье». То есть эти люди считают, что американцы все время врут, что европейцы слабые и идут на поводу у американцев – вот эта вот логика, и при этом, конечно, остались вот эти твердокаменные либералы, они никуда не делись, но их просто становится реально меньше. И я вообще думаю, что важным мотивом был запрос на справедливость, что вот нет внутри страны справедливости, ну хотя бы на международной арене - пусть хоть там какая-то справедливость будет, хоть где-то справедливость восстановили. И кстати говоря, вот эта история – она серьезно снизила напряжение и социальное, и национальное. То есть понятно, что там никто не рыдает по поводу Тимченко и Ротенберга, но как-то вот они неожиданно оказались в одной лодке. И я не думаю, что там Рамзан Ахматович стал большим кумиром русского народа, но тем не менее, не стал, не стал и не надо. Ну вот тем не менее нашлась полезная функция – ну наконец-то мы знаем, они «секир-башка» любят, вот есть хотя бы чем людей занять. При этом, конечно же, я согласен с Михаилом, с темой самострела либералов, потому что реально те люди, которые визжали просто по поводу кровавого тирана Кадаффи и Асада, которые где-то там расстреливают свое население и, несомненно, надо срочно что-то делать, и которые потом, когда здесь вот наших родных жителей Украины расстреливают фактически в прямом эфире ракетами, бомбами и они кричат: «Да, да, мочи террористов!» - сложно этим людям иметь большой уровень поддержки, и вообще своей украинской позицией очень сильно себе подпортил репутацию Ходорковский, потому что вот у него в конце прошлого года получился шанс стать

игроком и он вызвал тогда же серьезные симпатии у людей, которые ему раньше не ... своим взвешенным поведением. И вот он взял и тоже свалился. И вот эта «путинское большинство» - оно в том числе вот так вот разрастается за счет того, что нет анти-Путина, а кто анти-Путин? Это не анти-Путин, это где-то вот там вот что-то неприятное прыгает, в этом проблема, что это не анти-Путин, что это даже не враг. Навальный, я считаю, который тоже сделал самострел своей позицией по Крыму, по крайней мере, на данном этапе. И важный момент – имиджевый показатель. Я согласен и с тем, что вежливые люди – это красиво, прокурор Поклонская выглядит приятнее, чем Сашко Белый, или какой-нибудь Ярош. Кстати, вот эти имиджевые показатели - какой-нибудь полковник Стрелков. Вот уж кто не поклонник полковника Стрелкова – это я. Ну если мы берем вот эти вот наборы имиджей, то для обывателя он выглядит поприятнее, чем вот эти вот ребята. Но главный имиджевый показатель Путина – потому что он демонстрирует масштаб на фоне особенно вот этого серого предложения, которое есть на политическом рынке вообще мировом. За Путина не стыдно. Могу вам сказать, что регулярно на каких-то конгрессах политологических, общаясь с коллегами из разных стран, они говорят: «Ну вот, Путин, конечно, у вас крутой. Ну вот здорово». Дальше. Я уже заканчиваю, про справедливость я сказал, но все это, конечно, замечательно, но есть большое количество рисков. Риск первый. Произошел резкий отрыв рейтинга Путина от остальных персонажей политической сцены, и есть где-то там хороший Путин, а есть вот эти мерзкие бюрократы у нас здесь внутри, которые при этом все по сути дела как бы назначаются Путиным, потому что факт проведения выборов даже вот с этими всеми барьерами – он добавляет, мы видели, что даже непопулярным губернаторам он добавил рейтинговых очков – Ковалев какой-нибудь рязанский – раз – и вырос после выборов. Но этого недостаточно, потому что все равно эта волна выглядит не как избрание, а как назначение. Согласны с тем, что Путин молодец и плохого не предложит? Ну да, наверное. Но вот эти вот эксперименты с назначенцами, особенно на губернаторские посты, особенно с варягами, они могут создать в перспективе проблемы. Вторая проблема – это головокружение от успеха, то есть раз уж Крым наш, то можем все и типа, да ладно, Бог с ним, и видите, экономика ухудшается, а рейтинг растет. Так и Бог бы с ним. Это второй риск. Третье – это резкие зигзаги в пропаганде и незакрытые гештальты, то есть когда создается некая тема, потом она в какой-то момент тихо сворачивается, не доведенная до логического конца, типа с тем же Сердюковым. Поехали дальше. У нас возникла

другая тема, третья, и мы вот с них как-то просто спрыгиваем, а эти незакрытые гештальты накапливаются, и вот это вот искушение Украиной, когда мы смотрим телевизор и понимаем, что других новостей у нас, кроме Украины, нет вообще, оно тоже создает, потому что вот в рамках этой черно-белой картинки невозможно адекватно описать те реальные действия, которые предпринимают российские власти. Невозможно объяснить, что вот фашисты убивают людей, а мы даем скидку на газ и возвращаем им боевые корабли.

Это символическое действие. Хоть каску вы ему обратно в окоп бросьте, ржавую каску фашисту в окоп ему обратно – и вы будете предателем. В свое время было очень сложно объяснить, что у нас вот этой патриотической общественностью так называемой, интерпретировалось как Медведевское предательство Ливии. И вот тут очень сложно будет объяснить, а с Украиной мы что, мы куда приехали? При этом в обоих раскладах или что через какой-то момент оказывается, что есть респектабельный Порошенко и другие на самом деле вполне себе приличные люди, с которыми мы имеем дела, делаем гешефты и т.д. Или мы действительно усиливаем свое вмешательство, но тогда появляется фактор «груза-200», и того, что война хороша именно маленькая. А продолжительная какая-то нестабильность – она не очень хороша. И последнее по упоминанию, но не по значимости. Когда мы объяснили людям по телевизору, что русским людям захватывать административные здания, чтобы довести какую-то свою идею до власти – это хорошо, очень сложно будет объяснить, что вот там это хорошо, а здесь это плохо. И я уверяю вас, что сейчас будет целый ряд таких вот имитационно-демократических мероприятий, прямой демократии, вот Костя Калачев здесь сидит, который участвует в аналитическом сопровождении и народных праймериз сити-менеджеров, вот мы сейчас будем на фоне особенно введения вот этих назначенцев в муниципальных образованиях сталкиваться с народными выборами мэров, народными выборами губернаторов и т.д., особенно если мы не введем механизм действительно вот этих регионально-муниципальных референдумов, потому что мы же сказали, что референдумы – это хорошо. А что же у нас дома прореферендумы не работают? И главное, вот эти люди, которые сейчас там воют, их же там всех не убьют, и они вернутся назад.

Модератор: Евгений, все понятно, надо заканчивать. Как джихадисты из Сирии возвращаются в Великобританию, они вернутся тоже. Дмитрий

Поликанов, директор Фонда стратегических коммуникаций, а следующим Дмитрий Орлов, АПЭК.

Дмитрий Поликанов: Спасибо. Постараюсь коротко, тем более, что Михаил Мамонов частично съел мой хлеб, потому что он привел международный опыт, на который я тоже хотел сослаться. На самом деле, мне кажется, нынешняя ситуация объективно связана с тем, что внешнеполитическая тема вышла с периферии, на которой она традиционно была, потому что для людей как-то более значимы по всем вопросам всегда были внутривнутриполитические и социальные вещи, она вышла сейчас на передний план. И если мы вспомним, что всегда в деятельности Путина международный аспект его работы был с большим-большим плюсом, то все вполне логично. Тем более, что это легло на давнишние настроения, которые тоже фиксировали опросы - сильное до сих пор желание восстановить Россию как великую державу и понимание того, что Россия представляет собой некую особую цивилизацию. Более того, особенность именно крымской ситуации в том, что мы впервые за много лет начали действительно прирастать с землей, и люди это очень четко отфиксировали. То есть если бы это было просто какое-то вмешательство в дела Юго-востока и Украины, то это была бы одна история, а здесь мы просто добавили себе территорию, и это был в общем существенный элемент для позитивного восприятия. По поводу Олимпиады, тоже, как Михаил Делягин, сошлюсь на разных знакомых разных возрастов. Все-таки сработал этот аспект, потому что у людей был некий позитивный настрой после Олимпиады, и если учесть традиционный лаг в две недели с перевариванием информации, то все вполне логично, с точки зрения коммуникаций, было выстроено. То есть закончилась Олимпиада, 16 марта референдум, потом путинская речь и т.д., и все вот с этим правильным лагом. В итоге пропаганда сработала очень эффективно. Учитывая, что, действительно, других новостей у нас на телевидении больше нет, у нас две трети выпусков новостей посвящаются именно Украине и событиям вокруг нее, только потом где-то там в конце про Россию немножко, то здесь двойной эффект. Плюс эффект внешнего врага, потому что опять же мировой опыт показывает, что как только вводятся какие-то санкции, начинается консолидация вокруг лидеров, это было и у Хусейна, и в Иране, и т.д. И отсутствие затрат, видимых, пока люди не почувствовали на себе затраты от присоединения Крыма, то есть все говорят о том, что туда миллиарды, сюда миллиарды, здесь грандиозные стройки и т.д., но пока до кармана конкретного человека это не дошло, возможно, дойдет где-то к

осени или к весне следующего года. Здесь вопрос по поводу того, что насколько это долгосрочный тренд с повышением рейтинга. Сейчас хорошо, опять же международный опыт показывает, что несколько месяцев, до полугода, эти высокие рейтинги обычно держатся на фоне успешной войны, неуспешной войны и так далее. Но плюс ли это? Летом у нас всегда у людей благодушное настроение, но вопрос, как они себя будут чувствовать в октябре-ноябре, когда и рост цен почувствуют, и все остальное. Как они себя будут чувствовать в марте следующего года, когда какая-нибудь новогодняя эйфория пройдет, и собственно говоря, чем их развлекать, чем поддерживать вот эту высокую популярность? Был вопрос, по поводу того, зиждется ли это на одном человеке – к сожалению, пока да, но ничего нового в этом нет, и непонятно, чем это подкреплять. Тут недавно был какой-то опрос по поводу того, что есть полное разочарование в политических партиях и непонимание, для чего они существуют, и в этой логике есть Владимир Владимирович как абсолютный авторитет с зашкаливающим рейтингом, и действительно, как Евгений сказал, есть все остальные. И вот как этот рейтинг поддерживать институционально, надо ли его облеплять, так сказать, какими-то подпорками – это большой-большой вопрос. И ключевая вещь, во что конвертировать, то есть зачем нам это «путинское большинство» и зачем нам этот высокий рейтинг. Пока, к сожалению, какой-то большой осознанной стратегии не просматривается. Просто для того, чтобы продлить пребывание у власти – оно, собственно говоря, до 2018 года все спокойно относительно. До 2016 года – выборов в Госдуму – это вряд ли дотянется. Пока есть опасность, что разменяют в очередной раз, растратят на выборы, условно говоря, тех же губернаторов, которые сейчас активно этим пользуются. Сколько их у нас уже, 30 регионов, треть страны почти готовы переизбираться прямо осенью бежать. Может быть, можно было конвертировать это в некую национальную задачу по строительству евразийского союза, хорошая масштабная история и лежит в продолжении этой логики приращения и укрепления могущества страны. Может быть, конвертировать ее в задачу освоения Дальнего Востока, о котором тоже сейчас немножко подзабыли, но в целом как стратегический приоритет, он тоже остается. Мол, теперь свой патриотизм направьте с запада на восток.

Модератор: Я прошу прощения, Дима, я правильно услышал, что надо высокий рейтинг Путина и объемное «путинское большинство» конвертировать в задачи освоения Сибири и Дальнего Востока?

Дмитрий Поликанов: Как это ни смешно звучит, но на самом деле любой патриотический порыв совершенно спокойно можно конвертировать в некие конструктивные экономические задачи. И поскольку задача развития Дальнего Востока не уходила с повестки дня, она просто чуть-чуть за Крым сползла, то в принципе ничего не мешает сегодня эти патриотические настроения развернуть немножко и сказать, что давайте осваивать родную землю.

Модератор: Дмитрий Орлов, Агентство политических и экономических коммуникаций, и следующим я попрошу Игоря Яковенко.

Дмитрий Орлов: Спасибо. Сегодня много ссылались на частные мнения, я тоже позволю себе в начале своего выступления на частное мнение сослаться. В одной из фокус-групп, которую мы недавно проводили, это мнение пенсионерки за 70, довольно бодрой женщины, и надо сказать, она была в фокус-группе поддержана. Это старшая возрастная группа, 65+, она сказала следующее: «Мы должны были получить прибавку к пенсии в 700 рублей, а из-за Крыма получили в 300». Я не комментирую сейчас то, что на самом деле произошло, была ли эта прибавка, есть ли связь с Крымом, и т.д. Но представления коллег, которые считают, что экономические проблемы либо расходы, либо тяготы, которые будут связаны с формулой «Крым наш» и еще одной формулой «Русская весна», что не будут чувствоваться долго – это большое заблуждение. Они уже начинают чувствовать сегодня с вступлением экономического кризиса даже в первую начальную фазу, а это произойдет не позднее октября 2014 года, эти ощущения усилятся. И для «путинского большинства», которое существует сегодня и о котором я сейчас, естественно, скажу, возникнет очень серьезная проблема. Оно всегда было рыхлым и нестабильным, и я тоже сейчас об этом скажу, много раз перезагружалось в силу этого, но сейчас в нем есть две очевидных, но, возможно, совершенно разных по характеру, части. Первая – консервативная, которая сформировалась по поводу 2012 года, по поводу избрания Путина, по поводу консервативного поворота моральных ценностей. Мы помним ценностный, набор политический, мировоззренческий, который тогда был. Вторая часть большинства – я в этом с уважаемым Григорием Кертманом не соглашусь, она тоже четко выделяется – это та часть большинства, назовем ее «дельта», «прирост», «новая часть большинства», которая образовалась в связи с Олимпиадой. Я убежден, что там небольшой прирост все-таки был, может быть, он просто не фиксировался тем исследованием, которое цитировалось, и, безусловно, Крымом, его продолжением – политикой на юго-востоке Украины. Что это за «дельта», что это

за «прирост», что это за «вторая часть коалиции»? Это последовательные сторонники восстановления СССР, это сторонники тотальной войны, хотя их немного, постоянного ведения военных действий, их всегда очень много на самом деле, люди с нестабильной психикой, с готовностью участвовать в разного рода военных акциях и т.д. Это сторонники мобилизационной модели экономического развития, это сторонники уравнительной модели социального распределения, это, наконец, сторонники справедливости в самом широком смысле, но при детальном рассмотрении - справедливость не для человека, а для государства, широкая справедливость, скажем так. Вот такой ценностный набор. Я полагаю, что рано или поздно и в любом случае не так рано, как коллегам представляется, эти коалиции между собой вступят в конфликт. Они не монтируются между собой совершенно, эти условные консерваторы и условные сторонники разного рода прорывов, как не монтировались между собой те, кто проголосовал за Конституцию в декабре 1993 года, и те, кто осуществлял военные действия тремя месяцами раньше. Ну это совершенно были разные коалиции. 86% мы имеем сегодня рейтинг Путина, и мне, как главным его, помимо вот этих двух разных коалиций, которые есть внутри, главным его качеством представляется ситуативность и нестабильность. Ситуация эта – она может быть долго, она в том числе зависит от того, каким образом будет проведена деэскалация, достаточно быстро, на что есть намеки сегодня, или все-таки достаточно долго, скажем, в течение двух или трех месяцев. Но это вопрос нескольких месяцев, а не нескольких лет, поэтому главной задачей сегодня, на мой взгляд, является не попытка законсервировать уровень поддержки – 86% для Путина и 60 с небольшим для «Единой России» - а аккуратно вывести его на плато, которое было до известных мартовских событий и стабилизировать его на этом уровне. Если этого не сделать, то существует риск неконтролируемой деконсолидации «большинства» в связи с тем, что эта группа, назовем ее агрессивной частью в «большинстве», которой не было раньше.

Модератор: Или можем назвать ее «авангард».

Дмитрий Орлов: Ну, можем и «авангард». Она может предъявить экстремальные требования к происходящему и заставить изменить свое представление о жизни и свое отношение к Путину и консервативную часть, понимаете? Которая на самом деле 15 лет обеспечивает нам стабильность.

Модератор: Извините, я добавлю. Мы двух представителей этого «авангарда» приглашали, но, к сожалению, один в Крыму сейчас, другой тоже не смог прийти.

Дмитрий Орлов: Мою точку зрения могут и «авангард» высказывать, и «арьергард». Каким образом можно это сделать? Можно ли? На мой взгляд, более все-таки продуктивна постепенная деэскалация ситуации. Если деэскалация произойдет сразу, то начнется отказ от «русской весны», потом произойдет перенос восприятия, произойдет перенос вот этих ожиданий, связанных с юго-востоком, внутрь страны, причем произойдет он сразу, войну на юго-востоке перевернем, направим против олигархов, превратим в войну гражданскую. Этого необходимо избежать, поэтому мягкая деэскалация будет более адекватна, и от этих групп, которые, на мой взгляд, с точки зрения того, каким было «путинское большинство» раньше, и какое «большинство» востребовано для стабильного развития страны, эти группы представляют собой серьезную угрозу, и поэтому нужно разработать, на мой взгляд, стратегию даже перехода поддержки Владимира Путина, уровня поддержки Владимира Путина на прежние управляемые адекватные уровни. И последнее, «путинское большинство» является нестабильной, рыхлой коалицией. Было несколько перезагрузок, я напомним: в 2005 году, в 2007 - 2008 годах, в 2010, в 2012 и 2014. Никто не мешает эту перезагрузку произвести снова. Кто, на мой взгляд, там должен оказаться, помимо консервативных групп – высокодоходные группы, сторонники динамического экономического развития и более позитивные, назовем их так, граждане. Что касается агрессивной части нынешнего «большинства», то осенью, с октября-ноября этого года, эта часть «большинства» будет представляться для консервативной части «большинства» основой стабильности, которая обеспечивает поддержку власти, спокойную и постоянную. И проведение определенной социально-экономической политики, которая проводится 15 лет, извините – она будет представлять для нее угрозу, потому что несбыточные некоторые надежды на развитие ситуации на юго-востоке могут повернуть внутрь страны.

Модератор: В общем, мягкая посадка нужна. Это сказал Дмитрий Орлов. У нас сейчас Игорь Яковенко, пожалуйста, и следующим – Глеб Павловский.

Игорь Яковенко: Начну с того, что я не социолог, и могу развернуть культурологическое видение этой проблематики. Второй тезис простой – сегодняшние процессы нельзя понять вне логики длительных социально-

культурных и политических эволюций. На мой взгляд, происходит идеологическое переформатирование имперского комплекса. Вот то главное, что сейчас происходит. Те процессы, которые сейчас подаются как движение за воссоединение разделенного народа, имеет смысл как акция в контексте новой идеологемы. Идеологема такая – «собрание русского мира». Откуда берется и как форматируется новый идеологический комплекс? Тут я хочу напомнить коллегам, что после Петра I и до императора Павла включительно русские цари были бритыми, безбородыми. А с Александра I начинается отращивание растительности на лицах российских правителей – бакенбарды, подусники. Завершается этот процесс бородой лопатой у Александра III. Эта эволюция образа правителя неслучайна. В XIX веке в Европе полным ходом идут процессы секуляризации, от которых Россия не могла полностью отгородиться. Соответственно, идея православного подданного русского царя требует дополнения. Национальная идентичность все более осознается как существенный идентификат. Вслед за этим российская политическая элита претерпевает эволюцию от православного подданного к русскому православному с логическим акцентом на слове «русский». Бороды последних Романовых – символ народности, укорененности в русской среде. Потом, приходит советская эпоха, ставка на великоросса снимается и вводится «советский человек» – это идеологический идентификат, абсолютно тождественный православному, правоверному мусульманину или «bon Catholic». Однако, к концу советской эпохи общесоветская идентичность размывается. В социологических опросах 90-го года, прибалты, украинцы, молдаване писали, соответственно: «Я молдаванин, украинец» и так далее. А русские по-прежнему чаще определяли себя «советский человек». В распадающейся империи национальное сознание формируется в иноэтичных регионах.

С концом советской эпохи, проблема общегосударственной идентичности подвисла. Понятие «россияне», вводимое в 90-е годы, не утвердилось. Тренд отождествить между собой русского и православного, на мой взгляд, не срабатывает. Кроме того, в наследство от советской эпохи в массовом сознании осталась идея о дружбе народов: великий русский народ, рядом с ним украинский, белорусский. Это относится к сфере ритуальных заклинаний и священных коров. Однако, за ритуальными заклинаниями стоят существенные стратегические соображения. Мы должны помнить одну вещь, о которой не любят говорить вслух: Коллеги знают о том, какова демографическая ситуация в стране. Для

русского народа демографический переход обернулся тревожной и неразрешимой проблемой. Эти тенденции сложились не вчера, они фиксируются с середины XX века. Если между XIII и XVII веком включительно русские ассимилировали, прежде всего, финно-угров, то начиная с XVII века украинцы, или малороссы, называйте их как хотите, оказались очень существенным если не основным в объемном отношении фактором роста русского народа. Украинец в языковом и бытовом отношении близок к русскому. Дисперсно рассеянные в русской среде, украинцы ассимилируются во втором поколении.

Ориентированная на реставрацию имперского целого российская элита, видела и видит Украину только в сфере российского влияния, имея в виду стратегическое подтягивание с перспективой последовательной ассимиляции. Поэтому, Россия так мощно отреагировала на Оранжевую революцию в 2004 году. А уж второй, Евромайдан, который явил себя среди прочего демократическим-антикоррупционным, оказался совершенно нетерпимым для российского политического класса. Возникла срочная задача – создать эмоциональный, ценностный заслон между Украиной и Россией. Происходит снятие советской имперской идеологемы – великой дружбы великих народов. Начинается демонизация украинца, изменение образа украинца в кинематографе, я уж не говорю про то, что происходит в телеящике – это по ту сторону добра и зла.

Сегодня актуализуется идея «русского мира». Собрания «русского мира» как то, что наследует классически имперскому проекту, логически неизбежно. Вспомните, если Тито говорил: «Слабая Сербия – сильная Югославия», то Милошевич заявлял, грубо говоря: «Сербия, вперед!». Это очень существенно – распад традиционной империи порождает национализм народа-имперостроителя. И в сегодняшних категориях этот идеологический комплекс описывает «русский мир». Понятно, что украинец, который избрал Европу, никакой нам не брат. В нашей стране существуют весомые силы, заинтересованные в крахе Украины, который поставит крест на самой идее исторической и цивилизационной альтернативы утвердившемуся тренду российского развития. Вспомните планы расчленения Украины, озвучиваемые Жириновским. Похожие идеи звучали во время Оранжевой революции. Замысел состоит в том, что восток и центр страны остается за Россией, А всех «западенцев» пусть разбирают страны Восточной Европы. Реальный вектор украинских процессов строго противоположный.

Национальная консолидация Украины идет с запада. Евромайдан в гораздо большей мере пронизан идеологией и символикой Запада Украины, нежели это можно было наблюдать в 2004 году. Это очевидно для всякого серьезного наблюдателя. В такой ситуации остается дестабилизировать восток Украины. Но главное – дистанцировать украинский и российский народы. А в качестве позитива идет идея «русского мира».

Насколько стабильна такая политика? Каков коридор возможностей и что можно делать? Придется спонсировать, подкармливать прихватывая, по возможности, новые территории. Это – ресурсоемкая и достаточно муторная политика, лишенная, на мой взгляд, каких либо стратегических перспектив. Лимит, который ограничивает данную стратегию простой – не создать жестокого конфликта с Западом. Если Россия выйдет на жестокий конфликт с Западом – будет коллапс. Можно много говорить по телевизору, но на самом деле ситуация именно такова.

Обобщая, я вижу в происходящем идеологическое переформатирование, которое объективно фиксирует процесс ухода от советской идеологии и вакуум смысла, который заполняется идеей «русского мира», и задача российской власти – этот «русский мир» собирать. В практическом плане это означает прихватить территории, если возникает такая возможность. Это всегда духоподъемно и работает на рейтинг. Вот совсем в двух словах.

Модератор: Да, спасибо. Глеб Олегович, и затем у нас вторая часть завершается, и мы переходим к режиму свободной дискуссии, и есть уже 8 записавшихся. Я сейчас перечислю: Данилин, Дискин, Зудин, Ихлов, Кузьмин, Петухов, Бунин. Ну, соответственно, если кто-то еще, то давайте, пишите. Глеб Олегович.

Глеб Павловский: «Путинское большинство» – формально это поначалу был манипулятивный термин. Он появился в риторике до того, как у Путина появилось какое то ни было большинство, и связан был именно с борьбой за него. Вообще понятие «большинства», по причинам, которые надо объяснять отдельно, в предыдущие сто лет было в России политической ценностью. Несмотря на то, что действовавшие режимы, не будучи электоральными, не практиковали процедур подсчета. Начиная с большевиков, которые первые 20 лет существования в большинстве не были. Но как политическая ценность, «большинство» рано становится предметом острой борьбы. И термин «путинское большинство» – это символическое присвоение его первым, еще до выборов, давал важное

преимущество. Понятие появилось в ноябре 1999, одновременно с понятием «безальтернативность Путина».

Я на этом не хотел бы останавливаться. Сегодня скорее интересен момент инерционности всплесков поддержки. Действительно, многие всплески популярности легко объяснить, особенно – задним числом. А вот их инерцию объяснить уже не так просто. «Путинское большинство» надолго задержалось в политике, став горизонтом целой эпохи. Внутри него складывались устойчивые коалиции, которые продолжают существовать, хотя причина их возникновения как будто Т.е. инерция пиков популярности, затягивание ситуативного большинства достигается (и объяснимо) через технику его использования, и превращения его в «институт».

Сегодня, летом 2014 года, в этом есть несколько новых, как я считаю, элементов. Последние три года в верхах власти демонтаж прежней системы управления, «довоенной» – назовем ее так, шел одновременно с поиском новой. Прежнюю, как ее сейчас называют, «сурковскую», отличала дистантность вождей от масс. Так же ее отличало подавление политической эмоциональности, вполне осознанное, поскольку к концу 90-х считалось, что страну надо «подморозить». Публичная презентация эмоций не поощрялась, как и то, что их вызывает, – открытая политика. Политический стиль 2000-х был не очень дружелюбен к конкурентности, во всех смыслах этого слова.

В прошлом году даже была, правда короткая, попытка объявить электоральную конкурентность новым курсом, однако она оказалась временной, поскольку вошла в противоречие, как я считаю, с «базовым» для большинства человеком. Базовый человек, – еще его можно называть «советским», можно называть «сталинским», – генезис его в любом случае не уходит за 1917 год, – имеет несколько постоянных запросов – масштаб, держава, справедливость, уравнительность, тонус чрезвычайности. Это кстати в целом проявляется и в его запросе на чрезвычайный тонус, который компенсирует недостаток всего в отдельности. Например, нехватку справедливости можно взбодрить за счет всплесков коллективной эмоциональности: «Гляди, а наш-то, наш!».

С 2012 идет программирование конфликтных ситуаций – угрозы со стороны воображаемых меньшинств, подавляемых воображаемым «подавляющим большинством». 2012-2013, собственно говоря, – курс на «подавляющее большинство». В отличие от «путинского», «подавляющее большинство» к выборам не имеет отношения. Его не надо подсчитывать, но оно всегда

ситуативно. Вы создали его, сорвали политический бонус, а оно исчезло. Всплеск вокруг Pussy Riots прошел – дальше нужна следующая ситуация, например, «Закон Димы Яковлева» и другие вещи. Нарастает запрос на публичный конфликт, который поддерживается властью.

Что было проблемой последних трех лет? После распада условно «сурковской», условно «володинская» модель никак не достраивалась. Было несколько попыток. Первая – Сердюков и борьба с коррупцией. Да, это тонизирует большинство, но слишком опасно – и как мы все понимаем, это было остановлено. Наконец, в прошлом году была «валдайская» попытка систематизации, та тоже не очень удалась и уже почти забыта, с освобождением Ходорковского она закончилась. Конкуренция, изображаемая с участием Рыжкова, Ксении Собчак или партии Прохорова – недостаточна для того, чтобы насытить базового человека системы. Зато у нас возникла новая медиасила – такая же вертикаль власти, как Следственный комитет и ФСБ – медиавласть телевидения. В принципе аналогична и ее функция – это производство базовых конфликтов для базового человека в эмоционально насыщенных ситуациях. Реальность сама подбрасывает решения. Украина – вот символически воюющая Россия, с которой зритель может себя отождествить. Это аудиторная Россия – ты сидишь в зрительном зале, в мягком кресле, а с другой стороны – ты боец Армагеддона. Это очень удобно. Телевидение, творящее битвы эмоционального большинства с заданным результатом, вышло на первый план задач власти. Отыграть это назад почти невозможно, ведь это не просто пропаганда. Это пропаганда внутри власти, и программирование телевидения в отличие от «довоенной» системы, не спускается из Кремля. Это совместная драматургия Останкина с Кремлем. Власть распропагандирована сама и отчасти разделяет эмоцию большинства. Взят курс от популярности к популизму.

Конечно, такая политика антиэлитна. Мы находимся внутри антиэлитного тренда и перенос его внутрь страны неизбежен. Дальше эта система должна выбирать – либо она лавирует галсами, зигзагами, – то нарастит напряженность, то успокоит страсти. Либо она поддерживает триумфализм «крымско-новороссийского большинства». Но тогда она должна предложить новую победу, и перенос Армагеддона внутрь страны неизбежен.

Я думаю, что машина создания воображаемых меньшинств, уже встроенная в нашу систему власти, ровно как сборка угроз и спазматических «абсолютных большинств» – неизбежна и будет продолжаться. Схема найдена, это важно, но

держат уровень доверия в 86% можно только за счет максимизации недоверия к воображаемым меньшинствам. То есть большинство, доверяющее Путину, должно непрерывно искать, кому оно не доверяет, озираясь по сторонам. Это можно видеть сегодня даже в метро и в маршрутках, не надо далеко ходить. На месте социологов я посчитал бы, кто пришел из ранее не доверявших ему. Почему бы не посчитать, за счет кого именно вырос этот всплеск «украинизированного большинства». Конкретно - по возрастам, когортам...

Модератор: Ну вот Григорий назвал.

Глеб Павловский: Это пока публицистические определения, недостаточные, мне кажется, здесь надо считать. Мы видим, что города и средний класс идут здесь в авангарде, как было и при рождении «путинского большинства» в 1999-2000 годах. Теперь уже власть не может отказаться от этой инерции, и должна будет ее закрепить, потому что иначе она не знает, что делать. Разрядить нельзя – в нашу политику вернулся управляемый конфликт. Я думаю, что уже в этом году, осенью, развернется достройка системы, ясной практически во всех своих элементах. Я не вижу нехватки чего бы то ни было в нашей системе. Все есть. Соединенные Штаты, безусловно, готовятся обеспечить нас реальным, не виртуальным образом врага, нарастающим прессингом. Украинизация нашей внутренней политики необратима. Украина будет очень медленно и тяжело уходить из нас, заражая своими токсинами. Украинская революция в своем развитии породила новый инструмент, когда-то нам известный, но забытый – это идейное уличное насилие. Неформальные отряды, его практикующие. Кто были первыми на Украине – т.н. «титущки» или «охрана майдана» – спорный вопрос, но на самом деле они появились одновременно. На Украине сформировался полный набор негосударственного насилия с частными тюрьмами, премиями за головы убитых, – при высокой степени готовности силовых структур взаимодействовать с неформалами. Эта тенденция бурно развивается на Украине с января по сей день, и уж начинает перекидываться к нам. При возврате волонтеров-националистов домой она будет инфильтрироваться внутрь России. Не обязательно бенефициаром здесь будет власть, это могут быть и другие, в том числе, играющие против нее группы. Это история, что поделаться? Строя большинство на конфликте, однажды сам превращаешься в сторону конфликта, а затем и в его мишень.

Модератор: Да, спасибо. Каждый будет делать выводы для себя сам. Ну а пока у нас свободная дискуссия, и открывает ее Иосиф Дискин, заместитель Председателя Научного Совета ВЦИОМа.

Иосиф Дискин: Коллеги, первое, что меня не удовлетворяет в предшествующем обсуждении это концентрация на манипулятивной измерении. Я понимаю, что выступали политтехнологи, которым, естественно, свойственно гипертрофировать манипулятивную составляющую этого процесса. Более того, было бы странно, если бы этого не было. Все-таки мы помним, каждый слышит, чем он дышит. Но вряд ли возможно объяснение такого масштабного процесса только локальными факторами.

Мне предпочтительней иная объяснительная схема. Идет большой социальный процесс. С моей точки зрения, длительное время в стране шла проблематизация трех ценностей, которые – я много раз уже выступал в нашей с вами аудитории – трех ценностей.

Ценности патриотизма, ценности социальной справедливости и, как ни странно, ценности демократии. Они проблематизировались, но не актуализировались. И внутреннее напряжение вокруг этих ценностей длительно, систематически нарастало. И ясно было, что возникал либо выход в фрустрацию, либо превращение этих ценностей в реальный регулятор социальной жизни. Мы, с Владимиром Петуховым, много раз говорили о парадных ценностях. Те ценности, о которых мы говорим, выступали в качестве таких «парадных» ценностей. И это все накапливалось, и искало своего выхода.

Когда мы говорим о зарубежных аналогах, конечно, следует искать аналоги не с Бушем. Прямой аналог - национально-освободительные революции в странах Восточной Европы. И там и здесь был враг, в ходе которой нация консолидировалась вокруг одной суперценности. Там этой суперценностью была нелюбовь к нашей с вами Родине. И эта суперценность обеспечивала национальную консолидацию и создала эффективную базу для радикальных институциональных перемен.

Здесь надо, на мой взгляд, искать серьезный аналог. Крым был триггер для актуализации всех трех ценностей. Безусловно, об этом говорили, для ценностей патриотизма, это было, безусловно, для ценностей социальной справедливости, и об этом говорили. И, как ни странно, это был триггер для ценностей демократии, потому что налицо было консолидированное

волеизъявление самого крымского народа. Об этом говорил Путин, что для него это было значимо тогда.

Ряд из присутствовавших был тогда в зале, когда Путин говорил, что он до последней минуты не принимал решения о том, чем он закончит свое выступление.

Начинался Крым с желательным вариантом возврата Конституции 1992 года, но под давлением самих крымских настроений (я был немножко внутри) – сценарий эволюционировал - только вхождение в Россию. И для Путина, например, я думаю, что первоначально не был запланирован этот вариант, он понял, что для него любое другое решение было бы политическим самоубийством. А он вполне прагматичный человек. Кроме того, убежден, что действовали и его собственные моральные устремления. Теперь сформировалось «посткрымское большинство», которое, на мой взгляд, базируется, и это очень серьезно, на актуализации трех ценностей первого порядка.

Поэтому я согласен с Игорем Яковенко, что это социокультурное пространство. Но я не согласен только с его интерпретацией этого процесса. На мой взгляд, того «традиционного» человека, и мы об этом с Володи Петуховым много раз об этом писали, который действовал в советское время, его просто нет в России. Это другая социокультурная материя и, соответственно, другие проблематизированные ценности.

И когда речь о проблематизации таких ценностей, это, конечно, еще совсем не легитимация существующей власти, это уже запрос на новое качество власти. А в чем же его сверхзадача, нового качества власти? Это человеческое измерение власти. Все те, кто с фокус-группами работал, они много раз видели: «Ну почему вы нас не слышите?» Тот же самый Игорь Задорин писал – «понимающая власть». И ваш покорный слуга 3 сентября 2013г., глядя в глаза Президенту, говорил, что должно быть изменено качество политической системы, с бюрократической необходимо перейти на политическую, он ответил: «Да, это правда. «Они либо ничего не делают, либо делать все так, что становится только хуже». Соответственно, налицо запрос на фундаментальные институциональные перемены.

И здесь действует перед нами в полный рост закон Де Токвиля. Раскрученные социально-политические, социально-экономические ожидания не реализованы, и эта ситуация всегда является источником острейших социально-

политических напряжений. Когда речь идет о проблематизации базовых ценностей, тогда очень трудно регулируемым образом управляемым образом выходить из этой ситуации.

Чаще всего в истории, и вы, историки, это знаете, выход чаще всего происходит через сильнейший эмоциональный сброс и фрустрацию. Я думаю, учитывая, что ценности остро проблематизированы, то история показывает, что такая значимая инерция, предшествующая «сбросу» обычно длится порядка года – полутора. Но только сброс, если он все же происходит, то он происходит через сильнейший эмоциональный срыв. Обманутые ожидания – сильнейший его источник. Господи, мы все читали одни и те же книжки. Мы еще не видели эмоциональный сброс в результате обманутых ожиданий по ценностям первого порядка.

Главный вопрос сможем ли мы запустить конвертацию социальной энергии в институциональную систему. Только в понимании институциональной системы нужно отказаться от избитой либеральной матрицы, в основе которой находятся справедливый суд, политические партии, а нужно посмотреть, какая институциональная матрица сидит в головах ключевых игроков социально-политического и экономического процесса. Анализ показывает, там сидит другая матрица, и институциональные перемены (просто нет возможности детально излагать этот круг проблем, время ограничено). Ответ на проблематизацию базовых ценностей может идти только по демократической логике, то есть по понимающей логике тех, кто является держателями основных экономических и политических ресурсов.

Модератор: Спасибо, Иосиф Евгеньевич. Игорь Михайлович Бунин, а следующий Алексей Юрьевич Зудин.

Игорь Бунин: Я с «дельтой», наверно, чуть-чуть повторяюсь, потому что на самом деле, этот процесс становления так называемого «путинского большинства» длился достаточно долго. Он начался еще с президентской кампании, когда проблема Путин или хаос, де Голль или хаос – она возникла в первый раз и было создано вот это ядро. Потом, вторая волна – консервативная, которая началась после инаугурации, и здесь как раз, особенно в мае, майские события – очень важны, потому что здесь работали два фактора: один из них – страх перед смутой, который вышел за пределы традиционной части общества, потому что испугалась часть умеренных модернистов, которые стали отстраняться от оппозиции, обвиняя ее в дестабилизации политической жизни, и тогда

либеральная оппозиционная субкультура впервые стала капсулироваться, и она до сих пор в кризисных ситуациях, конечно, может мобилизовать несколько десятков тысяч, но это все. И периферийные симпатизанты были потеряны. Дальше началась консервативная волна, не позволявшая демобилизовать «путинское большинство», после президентских выборов затронувшая широкий круг проблем – от морально-нравственных до политических. Наиболее эффективны оказались морально-нравственные, потому что каждый гражданин себе представлял, что его сын приводит мальчика, и они начинают жить совместной жизнью. На свой авторитет он не полагался, предпочитая власть государственную, которая запретила, и сразу волна подняла следующую группу сторонников Путина, и вдобавок создала ещё один фактор, который раньше был в зачаточном состоянии, - это просто образ врага, в качестве которого выступают Запад и российские западники – так сказать, пятая и шестая колонна. Третий этап – это, естественно, Крым и конфликт с Украиной, и здесь присоединяются новые группы, среди них и модернисты, которые скептически относились раньше к основным компонентам консервативной волны, но они очень хотели быть вместе с народом (в условиях общественной консолидации очень тяжело быть в одиночестве) и также сторонники советских ценностей, которые считают, что наконец сбывается их мечта - возрождение Советского Союза. Представители левых политических сил, которые раньше были скептиками и относились не очень хорошо к власти, теперь ругают даже тех, которые пытались их когда-то защищать, адвокатов, либералов, и рвутся в Донецкую область на войну за Союз. И недавно было разрешено впервые 31е число стратегии «тридцать один», закончилось очень лояльным мероприятием. После этого сработал эффект ценностного приоритета - и советская, и имперская идентичность. Мы проводили фокус-группы по Москве, в центральных районах: там практически нет никого, кто подходил с либеральных позиций, и даже бывшие либералы говорили: «Нет, нет, мы сливаемся с народной массой». Более того, эта масса агрессивна, она становится всё более агрессивной. Самый красивый эпизод, который я вспоминаю, может быть, случайно, может быть, не случайно, - когда люди поехали в Новосибирск под наблюдателями и там рассуждали достаточно свободно о разных ценностных вещах, позволяя себе иногда критиковать. И тут срочно собралась толпа женщин-домохозяек и мужчин, которые вызвали полицию, чтобы разобраться с этими людьми, которые говорят непонятно что. То есть в этом смысле можно согласиться с некоторыми, которых обвиняют в

меньшевизме, о том, что толпа становится агрессивной. Возможно, это пройдёт. Теперь возникает главный вопрос - о стабильности путинского большинства в его нынешнем виде в виде 86% процентов. Мне кажется, что это будет зависеть от трёх факторов, они достаточно простые: первый – стандартный - социально-экономическая ситуация в стране и если наступает третий этап санкций, то социально-экономическая ситуация в стране просто обрушается. Я думаю, что никто из присутствующих, даже самые ярые сторонники нынешнего курса, понимают, что мы не можем жить в обществе, где достаточно взять любой крупной организации и лишит нас каких-то элементов, и после этого система просто разрушается. Все, наверное, понимают, даже на самом верху, что секторальные санкции мы не выдержим, поэтому есть некий предел, дальше которого пойти на юго-востоке просто физически, экономически, политически - как угодно – невозможно. Пока цена приемлема для присоединения Крыма практически для всех, за исключением некоторых групп интеллигенции по идеологическим мотивам бизнеса, несмотря на то, что не только Женя разговаривает с миллиардерами - мы тоже иногда разговариваем с миллиардерами, и по этому разговору видно, что страх перед секторальными санкциями принимает чудовищную форму. Однако вопрос заключается в том, согласно ли наше общество на мобилизационную экономику, на мобилизационную систему. Вот такое ощущение, что наше томизированное, юдализированное, потребительское общество принять вот эту мобилизационную экономику физически не может. Да, опросы иногда показывают, что мы готовы чем-то пожертвовать, но такое ощущение, что это чисто демонстративное явление, что на самом деле, когда дело дойдёт до реальности, никто ничем жертвовать не будет и вот эти самые семьсот и триста рублей - это некий показатель, который практически не виден на фокус-группах, он бывает случайным, но он есть симптомчик. Второй момент - способность власти реагировать на различные, нередко замисключающие запросы, например, советские патриоты выступают за дальнейшее продвижение на Восток Украины и будут разочарованы, если Россия остановится и не создаст, как минимум, новое Приднестровье; для модернистов же, наоборот, продвижение на Украину сопряжено с рисками западных санкций, что крайне нежелательно. Третий фактор – медийный: вот сейчас мы поддерживаем мобилизацию за счёт постоянного медийного фактора. Мощная и целенаправленная информационная политика, благодаря которой общество уже несколько месяцев находится в состоянии

сильнейшего напряжения. У меня вопрос заключается в том, можно ли это поддерживать постоянно или нельзя. У меня такое ощущение, что психологически это невозможно: уже сейчас видно, как телевиденье начинает немножко сдвигаться к другим темам - это тоже третий фактор. И наконец, встаёт более важная проблема, чем все эти три фактора, и решается более глобальная проблема. Путинское большинство консолидируется, мобилизуется на основе охранительных консервативных ценностей, направленных на защиту собственной идентичности, на защиту от внешних и внутренних угроз - от Бандеры до Кончиты, особенно Кончиты. Такая ситуация в России сложилась впервые за столетие на самом деле. Ранее в независимости от режимов идеология формировала совершенно новое представление о том, что страна идёт на пути прогресса. Так было в начале двадцатого века, когда господствовало позитивистское представление о поступательном разумном развитии цивилизации, которая была сломлена Первой мировой войной. Затем трагический период большевизма, когда страна претендовала на роль творца нового революционного общества во всемирном масштабе (мы помним, как все бросились заниматься новым революционным обществом). Потом послевоенный период, когда проект революции сменился на идею лидерства в технологиях: фантастика, кружки, Дом пионеров, журнал «Юный техник» и т.д. Сейчас будет дискредитирована и эта идея. Потом мы решили, что мы можем: свободное и динамичное развитие основано на предпринимательской активности достижения успеха. Все эти подходы, конечно, различные, некоторые несовместимы друг с другом, но сейчас ставка делается на принципиально иной подход - на консервативное хранительство, использование фобий и защитных рефлексов на разные, очень ловко придуманные... Подобный подход может быть успешен тактически, никто не спорит: издержки типа вымывания из страны одних несогласных и внутренней иммиграции других явились такими, с точки зрения большинства населения, мелкими на фоне объёмных цифр общественной поддержки. Однако более глобально в контексте можно рассматривать вопрос о том, насколько возможно не только подморозить общество (это можно), но и сформулировать рациональный курс, рассчитанный на длительные перспективы, заключающиеся в системе стимулов развития. Более того, по всем опросам, по опросу Левады, ясно, что менеджеры низшего уровня (по этому опросу получают не очень большие цифры) как-то менее широко поддерживают общественное мнение, вот этот новый курс. Я думаю, если мы пойдём наверх, то мы увидим ещё меньшее

восприятие этого нового курса, поэтому я заключается совместить, как сделал это Александр III, и подморозить, и начинать экономическое развитие как-то очень сложно, особенно в условиях глобальной экономики.

Модератор: Спасибо, Игорь Михайлович, короткая реплика: бессмысленно по общенациональной выборке мерить настроение отдельных, столь небольших численно страт, как менеджеры: их там примерно один процент от выборки. Сейчас выступит Алексей Зудин, а затем выступит Алексей Кузьмин, а затем выступит Павел Данилин, а затем Владимир Петухов и Евгений Ихлов.

Алексей Зудин: Спасибо. Первое - изменилось место России в мире, изменилось необратимо. Каким будет это новое место, во многом остаётся неясным, но, по ощущениям не только экспертным, но и массовым, возврата назад точно не будет. Это обстоятельство имеет прямое отношение к тому, что произошло с путинским большинством, а также к рабочему диагнозу этого поворота со стороны коллеги Кертмана, как необратимого, хотя бы и в рабочих терминах. Конечно, любые колебания обязательно будут, и это будут, скорее всего, нисходящие колебания, и, конечно же, сезонные факторы всегда имеют значения, и, конечно же, за все действия (добавим в скобках - и бездействия) тоже приходится платить, и, наверное, осень о себе заявит немножко иным состоянием общественного мнения. Тем не менее, новое путинское большинство, хотя бы и в предварительных терминах, можно считать состоявшимся. Таков мой первый тезис. Второе: почему-то не прозвучало ответа на вопрос: а какого типа мобилизация произошла? Какого типа мобилизация создала это новое путинское большинство? Это была патриотическая мобилизация. Хотя такое определение достаточно очевидно, его необходимо зафиксировать. Зоологическое начало украинского национализма, обращённое в сторону России, в отличие от Европы, привело к очень существенным подвижкам. Конечно, телевизор всегда имеет значение, но, как справедливо отмечали коллеги, он имеет значение в любом политическом действии, поэтому нынешнюю ситуацию не стоит объяснять при помощи телевизора. Эти объяснения избыточны. Произошли необратимые сдвиги в массовом восприятии, результатами которых, конечно, можно манипулировать, но их нельзя объявить неподлинными. Просто возник новый фрагмент политической реальности, и с этим уже ничего не поделаешь. Сильная «низовая» составляющая превращает патриотическую мобилизацию в устойчивый фактор динамики общественного мнения. На закрепление повышенного уровня

патриотической мобилизации также работают «посткрымские» отношения с Западом и новое место России в мире. Третье. То, что произошло в российском общественном мнении, на мой взгляд, мировых аналогов не имеет. Конечно, сравнения с Фолклендской войной, войной США в Афганистане и Ираке, неизбежны, но, по большому счету, бесполезны. Единственное, с чем возможно если не сравнить, то хотя бы сопоставить патриотическую мобилизацию российского общественного мнения в связи с событиями на Украине, это с феноменом «девять-одиннадцать», когда то, что произошло, было воспринято как нападение на Америку. Вот здесь, наверное, какие-то аналоги появятся, хотя и они будут ограниченными. В конце концов, атака на «башни-близнецы» положение Соединенных Штатов в мире не изменила, изменились, хотя тоже не принципиально, отношения с внешним миром, и политико-психологический климат внутри страны. По своим эффектам действия в Крыму оказываются для России гораздо более всеобъемлющими и глубокими. Четвертое. Совсем не говорилось о том, как изменилось восприятие центральной фигуры путинского большинства, а это имеет большое значение и для понимания нового большинства, и для характера его отношений со своей центральной фигурой. Масштабы центральной фигуры резко увеличились. Это уже не просто «общенациональный лидер», о котором нам в свое время рассказывал Глеб Павловский. Собственно говоря, крымско-украинские события завершили процесс превращения В. Путина в политического лидера мирового масштаба, способного создавать новые глобальные тренды и менять мировой политический порядок. Похоже, что в полной мере возможные последствия этой трансформации нами пока не осознаны. Хочу обратить внимание на одно из таких возможных последствий. Изменились не только масштабы, меняются и смыслы, связанные с центральной фигурой «путинского большинства». Внутри страны Путин стал не просто по-новому безальтернативен, он стал фактически несменяем: его не только невозможно изъять из сложившегося политического устройства, теперь он неустраним из траектории развития и судьбы страны. «Внеконтрактная» составляющая, которая всегда присутствовала в отношениях Путина и «путинского большинства», стала более рельефной и сильной. И здесь возникает определенное противоречие, поскольку эти новые смыслы сближают фигуру действующего российского президента с инвариантными (внеполитическими) характеристиками российского государства. Представляется, что динамика и устойчивость нового путинского большинства во многом будут зависеть от

формулы разрешения этого противоречия. И, наконец, последнее. Надёжной стратегией советских и постсоветских экспертов было легкое запугивание начальства: иначе оно перестанет слушать. Сегодня мы столкнулись обновленной версией этой стратегии, когда элементы запугивания используются уже в отношении условной «интеллигенции», т.е. городского среднего класса. Если я правильно понял, в качестве побочного эффекта событий на юго-востоке Украины говорится о возможном появлении полевых командиров и их аналогов уже в российской политике. Но давайте вспомним, реальной фигурой полевого командира делают не просто вооруженные отряды, но достаточно органичная встроенность в деградировавшую социальную среду, а также то, что все это делает возможным, а именно крах элементарного политического порядка. Именно это произошло на Украине, но отсутствует в России. Обсуждая возможное влияние украинских событий на российскую политику гораздо больше оснований обратить внимание в противоположном направлении: российские власти серьезно укрепили «антимайданный» ресурс (порядок против хаоса). И это еще одно препятствие на пути превращения полевых командиров в реальную перспективу российской политики. Спасибо.

Модератор: Спасибо. Алексей Кузьмин

Алексей Кузьмин: Я бы хотел сказать, что нет противоречия между (в нашем человеке, условно говоря) нет противоречий между патриотическим запросом и запросом справедливости, они здесь очень сильно слиты в отличие от целого ряда других.

Евгений Ихлов: Добрый вечер. Я с большим удовольствием слушал. Очень многие сказали то, что я хотел сказать сам, но я попробую всё-таки повториться, но при этом остаться немножко оригинальным. По поводу путинского большинства. Я, например, очень хорошо знаю одного персонажа, который в него торжественно вступил, - это Лимонов. Других я не знаю, кто туда торжественно вступил. Теперь по поводу моих позиций. Если бы этот круглый стол проходил осенью четырнадцатого года, того четырнадцатого года, то мы бы рассуждали о новом большинстве Николая II. На самом деле никакого большинства не было тогда у Николая II, как мы понимаем, не возникло, и события ровно через год это показали. Путин национализировал - это моя версия - русское националистическое движение, которое пробилось сквозь имперский комплекс, и Крым - это не проснувшийся имперский комплекс, это русский национализм, этнический национализм, который эту империю добивает, но оказалось, что этот

национализм достаточно пассивен. Почему энтузиазм с Крымом - понятно: Севастополь - раскрученный бренд, Южный берег Крыма хоть раз хоть кто-то посетил. На всё остальное абсолютно наплевать, никаких переживаний по поводу превращения в форшмак «Русской весны» не существует, кроме телевизионных переживаний. По поводу Крыма были казённые манифестации, на которые шли с энтузиазмом, но нет даже казённых манифестаций в поддержку Донбасса. Моя версия состоит в том, что просто Путин временно создал коалицию, под которую не нашлось другого вождя. Он присоединил к себе тех, кого называю, грубо говоря, фашистами (партии не нужны; сильная власть; вся власть русским, отнять у олигархов и поделить и т.д). Вот я эту категорию грубо называю фашизмом, и меня извиняет то, что вся телевизионная антимайдановская пропаганда построена на коминтерновских, самых заскорузлых лекалах борьбы с национал-социализмом. И самое забавное последнее. Первое некоторое время назад я напечатал миниатюрку под красивым названием «День Победы 9 мая 15-го года»: Николай II взял Царьград, выиграна мировая война, ни одна другая проблема при этом в Российской империи не решена, но каждый день в газетах: «наш Царьград, наш Царьград, наш».

Второе, самое интересное, сейчас - это какие глубинные изменения идут в тех слоях элит и субэлит, которые в конце апреля - начале мая пережили панический ужас: а вдруг этот лунатик с бритвой всё-таки начнёт войну и они окажутся отброшены на 20 лет назад, они окажутся в стадии совкового рабства и т.д. Тот страх, которым Сталин напугал свою элиту, Хрущёв напугал свою и т.д. Вот я предлагаю подумать над этим. Спасибо.

Владимир Петухов: Я буду короток, я понимаю, все устали, поэтому несколько буквально фраз по дискуссии. Первое - я согласен с двумя Дмитриями по поводу Олимпиады. Мне кажется, что она сыграла определённую роль в становлении путинского большинства. Но я хотел бы обратить внимание, в каком образе представили Олимпиаду, особенно её открытие. Никакой архаики, Россия современная, динамичная страна, устремлённая в будущее. Я не помню, чтобы это вызвало у кого-то несогласие или недоумение, именно такая страна гораздо симпатичней, чем та, которую представляет нам, например, Второй канал ТВ. В этой связи, я помню, что даже пошли какие-то разговоры по поводу войны каналов.

По поводу роста путинского электората: Здесь нам был представлен обстоятельный анализ «точек роста», но почему-то исключительно в социально-

демографическом контексте, - «сколько молодёжи, сколько пенсионеров, сколько малых городов, больших городов». Мне кажется, это приращение шло прежде всего за счет ранее оппозиционного электората, левого и националистического, большинство из которых похоже даже с большим энтузиазмом, чем сторонники «Единой России» поддержали Президента на «украинском направлении». И мне представляется, что сегодня мы являемся свидетелями фактически полного уничтожения националистического и левого электората. Либералы будучи сильно маргинализированными, тем не менее сохраняют оппозиционный дискурс и собственные идеологические ориентиры. То, как сегодня позиционируют левые и националисты, это роль массовки при Путине, лишенной собственной «повестки дня» полностью или частично инкорпорированной властью.

И последний тезис по поводу перспектив. Мне кажется, самая главная опасность заключается в нарастающем расхождении, о котором уже здесь говорили - между высочайшим рейтингом Путина и оценками его деятельности по многим важным для людей направлениям. Данные, которые мы все получаем, свидетельствующие о том, что ликование по поводу Крыма не распространяется на другие зоны ответственности нынешней власти. На сегодняшний день россияне видят лишь две сферы, где Путину удалось существенно улучшить ситуацию - это международное положение и повышение уровня жизни населения. Все что связано с социальной сферой, а также с коррупцией, моральным климатом в обществе, оценивается очень сдержанно, а в ряде случаев и негативно. Поэтому я согласен с теми, кто полагает, что путинское большинство в данной конфигурации ситуационно, оно сформировалось по определённому поводу и не факт, что скажем через год, не будет иным как в количественном, так и в качественном отношении. **Модератор: Спасибо, Владимир Васильевич. Я думаю, что все сегодня услышали много интересного. Не знаю, нового ли, но интересного точно. В общем, будем жить и строить дальше. Спасибо всем. До скорого.**